

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация в сельской местности

Т.Г. НЕФЕДОВА

Иллюзии, что сельским хозяйством легко управлять, остались в XX в. Все чаще проявляются признаки самоорганизации сельского хозяйства и сельского сообщества, которая при социализме была явно ослаблена. Сейчас самоорганизация окрепла, хотя поначалу сводилась к простым формам адаптации к новым реалиям. Тем не менее на примерах многих районов видно, что самоорганизация может быть успешной там, где продолжают функционировать коллективные предприятия, и там, где прежняя основа сельской жизни (колхоз) деградировала полностью.

Что происходит с сельским хозяйством и с его крупными предприятиями-товаропроизводителями при ослаблении государственных регулирования и контроля? Что происходит с российским сельским пространством при усилении самоорганизации? Как меняются при этом сельские сообщества? Попытка частично ответить на эти вопросы сделана в предлагаемой читателю статье. Частично потому, что исследуемые проблемы изучаются не только географией, но и аграрными науками, экономикой, социологией, психологией. В отношении сельского хозяйства и сельской местности можно последовательно говорить о самоорганизации экономической (отраслевой и межотраслевой), географической (пространственной) и социальной.

Экономическая самоорганизация

Не столько аграрные, сколько общеэкономические реформы, проводимые на фоне внутреннего кризиса общественного сельского хозяйства, поставили предприятия в совершенно иные внешние (коммерческие) условия функционирования, тогда как в существе своем они изменились мало. При этом предприятия почти лишились главной поддержки — государственной. Правда, государство и в 1990-х годах списывало им долги, что только провоцировало их накопление. В итоге большинство агропредприятий оказалось в патовом финансовом положении. В расчетах царил бартер. Сбыт продукции, о котором предприятия преж-

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсам «Социология регионального развития», «Социология территориальных общностей», «Аграрная социология».

де не заботились, также оказался им не по силам: ведь создание новой инфраструктуры сбыта требует времени и денег. Этим проблемам посвящено много научных публикаций [Серова 1999; Аграрная реформа в России 2000; Переходная аграрная экономика... 2000; Ежегодные выпуски Никоновских чтений и т. п.]. Поэтому остановлюсь на результатах.

За 1991—2000 гг. объем всей агропродукции сократился на 40 %, а в коллективном секторе — на 60 % [Россия в цифрах 2001, с. 200]. Кризис в животноводстве был более сильным и затяжным, чем в растениеводстве. Поголовье крупного рогатого скота в бывших колхозах и совхозах упало почти в три, свиней — почти в 4 раза. В те же 3—4 раза сократилось производство молока и мяса.

В 1997 г. после 6—7 лет непрерывного спада производство стабилизировалось не только в отдельных регионах, но в целом по России, причем отмечался рост продукции коллективных хозяйств. Однако в 1998 г. статистика вновь зафиксировала спад на 13 %, вызванный (помимо дефолта) тяжелой засухой. Но тенденции роста не были сломлены, а после дефолта даже усилились. Сначала рос объем продукции растениеводства, а с 2000 г. и животноводства. Наступил перелом, растет поголовье птицы, свиней, овец. Обнадешивает даже тот факт, что урожаи после затяжного и неуклонного падения стали вновь колебаться в зависимости от погоды.

Реформаторы предрекали быструю гибель колхозов. Доля убыточных предприятий достигла максимума в 1998 г. (88 %). В этом ничего нового не было, их прибыльность в 1990 г. была мнимой, в первую очередь благодаря большому объему дотаций. Да и в 1980 г. доля убыточных коллективных предприятий была немногим меньше — 70%. И все же большинство крупных предприятий выжило, случаев полного их распада не так много.

Рост производства к концу 1990-х годов в условиях резкого уменьшения государственного протекционизма свидетельствует об отраслевой самоорганизации. Прежде всего она выразилась в перераспределении производства между разными укладами. Переход к рыночным отношениям и сопутствующий ему системный кризис явно сблизил всю, и особенно сельскую, экономику России с экономикой развивающихся стран. Среди прочего это означает, что экономика стала откровенно многоукладной.

Усиление многоукладности

Многоукладность экономики ярко проявляется в переходные периоды, когда старые порядки совмещаются с новыми. В начале XX в. при переходе от капитализма к социализму существовали три основных уклада — социалистический, мелкотоварный и капиталистический. Сейчас, после 70 лет социализма в аграрном секторе, мы по сути дела вернулись к этим же укладам, так как они близки к трем главным типам нынешних сельских хозяйств — крупным коллективным (наследники колхозов и совхозов), индивидуальным и фермерским хозяйствам. Они почти несопоставимы по своему количеству: коллективных предприятий в 2000 г. было 27 тыс., фермеров — на порядок больше (261 тыс.), сельских личных подсобных хозяйств — 16 млн, а вместе с городскими дачными участками — около 37 млн. Эта классификация достаточно условна. На самом деле укладов больше, и они плавно перетекают друг в друга, но такое

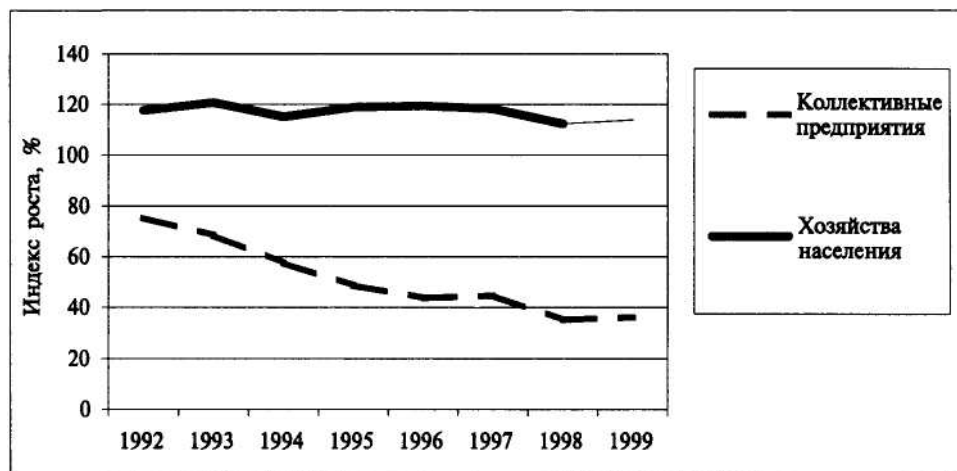

Рис. 1 Динамика производства в коллективных хозяйствах и хозяйствах населения, % к 1990 г.

общеизвестное деление помогает понять специфику современной ситуации в сельском хозяйстве.

К 1990 г. регистрируемые статистикой земли хозяйств населения, включая земли под сады и огороды, составляли всего 1,4 % угодий, но производили около четверти всей агропродукции. В 2000 г. — уже более половины, в том числе молока и мяса, почти весь картофель и овощи [Россия в цифрах, 2001]. Однако такое увеличение доли индивидуального сектора связано не столько с его ростом, сколько с упадком коллективных предприятий (рис. 1). Быстрый рост в хозяйствах населения имел место лишь в самом начале кризиса (1991—1992). Тогда объем продукции подворий подскочил сразу на 18 %. Но выше 20 % уровня 1990 г. он не поднимался, а в конце 1990-х годов даже стал снижаться.

Бурный старт фермерских хозяйств (за 1991—1995 гг. их количество выросло с 4 до 279 тыс.) во многом связан с ощутимыми льготами по налогам и кредитам, с возможностью купить технику по доступным ценам, легкостью получения земли и общеполитической поддержкой, а также с наивной верой в быструю реформируемость агросектора. Тогда в фермеры пошла сельская элита — агрономы, зоотехники, директора предприятий. В результате предприятия потеряли наиболее активных и предприимчивых людей. Во второй половине 1990-х годов в фермеры шли уже в основном те, кто и так работал на земле. Пробовали свои силы и горожане.

В середине 1990-х годов после снятия льгот фермеры формально оказались в тех же условиях, что и коллективные хозяйства, а реально — в худших. Даже при более высокой производительности труда фермерам было трудно с ними конкурировать, в том числе из-за проблем со сбытом.

Усиление индивидуальных хозяйств и появление новых «игроков» в агросекторе изменило систему отношений в сельской местности. Более подробно об этом будет сказано ниже. В ходе самоорганизации изменилась и экономическая составляющая этих отношений. Кризис коллективных предприятий, их сильная

экономическая дифференциация привели к тому, что лишь немногие оказались способны платить зарплату деньгами. В большинстве хозяйств практиковалась натуральная оплата продукцией. Вместе с возможностями привычного бесплатного пользования колхозным имуществом натуроплата значительно стимулировала индивидуальное животноводство, которое во многих местах стало товарным и в результате этого единственным источником денежных доходов жителей. Именно эта востребованность колхозов «снизу» во многом поддерживает множество финансово несостоятельных крупных хозяйств. И наоборот, там, где индивидуальные хозяйства не требуют помощи колхозов, например при выращивании огурцов и других овощей, недееспособные предприятия быстрее разваливаются [Нефедова 2002а]. Конкуренция фермеров, значимость деятельности которых в южных зерновых районах (при сокращении значительной части их производства) сильно занижается статистикой, осложнила систему экономических отношений. К тому же фермерам отходила часть земельных долей крестьян, что вынуждало предприятия не только выплачивать, но даже повышать арендную плату за земельные доли.

В новом Законе «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (принят в 2002 г.), призванном расширять рыночное движение земель, введены поправки, сильно ограничивающие перераспределение земель между колхозами и другими производителями. Прежде, собирая множество свидетельств собственников долей, фермер мог иметь единый большой участок. Сейчас необходимость выделения каждого участка на местности затруднит фермерам аренду земельных долей, которые будут находиться в разных местах. Кроме того, продажа земельных долей сопровождается столькими ограничениями (с первоочередным правом собственников и местных администраций, правом принудительного изъятия земли, если она не используется для агропроизводства и т. п.), что возникновение реального рынка сельскохозяйственных земель становится сомнительным. Исключение составляют лишь пригороды крупных городов, где земля приобретает особую цену из-за высокого спроса на нее [Город и деревня... 2001, с. 374-400].

Тем не менее есть районы, откуда фермеры почти вытеснили коллективные предприятия. Например, в Лысогорском районе Саратовской области фермеры используют 2/3 всех угодий и производят 3/4 зерна [Нефедова 2002б]. Фермеры понимают, что поодиночке выжить трудно и начинают создавать снабженческо-сбытовые кооперативы и т. п. Более того, крепкие фермеры начинают выполнять те же функции, что и колхозы, поддерживая индивидуальные хозяйства своих работников. Период отрицательного отношения к фермерам в сельском обществе проходит. Теперь жаждущих хотя бы временной работы много, ведь платят фермеры как деньгами, так и продуктами регулярнее и часто лучше, чем коллективные предприятия.

Итак, несмотря на многочисленные препятствия, самоорганизация в сельской местности усиливается и главным ее итогом стало лишение крупных предприятий экономического монополизма. Но и они в ходе самоорганизации меняются.

Пути самоорганизации коллективных предприятий

Самоорганизация проявляется прежде всего в проникновении капиталистических принципов в стиль функционирования предприятий и формировании их разных сочетаний с привычными социалистическими. Приведу примеры некоторых из них.

Старые формы с продвинутой администрацией. Здесь директор — хороший менеджер и специалист по маркетингу, умеющий найти нишу на рынке. Такой руководитель в наибольшей степени соответствует типу «коммунист-капиталист» [Штейнберг 2002]. Их можно найти в Подмосковье и на юге. Главное в этих предприятиях — жесткая организация труда типичных наемных работников, получающих неплохую для сельской местности зарплату. Возможны и более мягкие варианты отеческого отношения к работникам.

Администрация-собственник скупает у колхозников их паи. Так, руководители становятся владельцами обширных земель и большого имущества. При этом они лично заинтересованы в результатах, и показатели таких предприятий, как правило, лучше, чем у тех, где не делается ничего. Однако чаще председатель или главный агроном, скупив паи не всего колхоза, а его части, уходят из него и организуют собственное фермерское хозяйство, порой сопоставимое по размерам с колхозом. В нем обычно воссоздается колхозно-совхозный стиль руководства, а хозяйство называется фермерским.

Инвестиции из других отраслей и скупка колхозов несельскохозяйственными организациями также стали формой самоорганизации. Ее порождает рост интереса к агросектору со стороны несельскохозяйственных предприятий, прежде всего пищевых, строящих вертикальные структуры от поля до прилавка [Нефедова 2000]. Им нужна надежная и качественная сырьевая база, поэтому они и инвестируют сельское хозяйство, привязывая к себе партнеров или приобретая перспективные предприятия. Таким же образом нередко поступают компании, совсем далекие от сельского хозяйства по основному профилю и даже по местоположению. Но чаще — это все-таки местные лидеры добывающей или перерабатывающей индустрии (пример Стойленского ГОКа в Белгородской области наиболее показателен). Диверсификация включала создание цехов и предприятий, производящих продовольствие, притом хорошо оснащенных, работающих на рынок, а не только на внутренние нужды конгломерата. После этого, как и пищевиками, такими фирмами приобретаются колхозы.

Результатом самоорганизации становится расслоение сельхозпредприятий и укрупнение реальных товаропроизводителей. Эта тенденция все отчетливее проявляется в последние годы, когда активные предприятия осознали значение крупных оборотов и большего объема ресурсов, а значит, и размера хозяйств. Да и статистика фиксирует рост их рентабельности по мере увеличения числа занятых и посевной площади [Сельское хозяйство... 2000, с. 84]. Из расчетов Д.Б. Эпштейна (на примере Ленинградской области) вытекает, что происходит опережающий рост прибыли и рентабельности с ростом масштабов производства предприятия [Эпштейн 2002, с. 96].

Существует и противоположная тенденция. Если предприятие само не в состоянии выйти из кризисной ситуации, на его базе создают небольшую про-

изводственную ячейку — кооператив, а остальная часть продолжает тихо умирать.

Тенденции укрупнения и, наоборот, почкования часто территориально разобщены. Если последняя более характерна для глубинки, то укрупнение особенно заметно в пригородах, где хозяйствам явно не хватает земли и где проблему усиливают изъятие земель администрациями, а также наступление городов и дачников. Здесь трудности можно преодолеть покупкой земель в более удаленных районах и организацией предприятий по промышленному или банковскому типу: головное предприятие находится рядом с городом, а несколько его филиалов с нетрудоемкими производствами — на периферии. Для Нечерноземья, вдали от городов, более характерно сжатие производства, что приводит к изъятию из оборота огромных площадей сельскохозяйственных угодий, которые оказываются никем не востребованными и зарастают лесом.

Экономическая самоорганизация проявлялась на уровне не только фирм и предприятий, но и регионов, хотя все же самоорганизацией ее можно назвать с определенной долей условности. Безденежье и проблемы сбыта толкали хозяйства в объятия административно-коммерческих структур, порой лишаящих их всякой самостоятельности. Власти регионов, конечно, толкуют о помощи сельскому хозяйству, но давно поняли, что на контрольно-посреднических операциях можно зарабатывать. Административно-автаркическая система помогает создать квазирыночные структуры, своеобразные региональные АПК (типа «Орловской нивы», «Рязанской нивы» и т. п.). Их финансовой опорой служат перерабатывающие и сбытовые звенья. Во многих черноземных и других областях, где возникли эти структуры, подопечные слабые предприятия действительно получают от них помощь в виде посреднических услуг и небольших дотаций. Но наиболее лакомыми являются для них те фрагменты агрокомплексов, в которых вращаются какие-то деньги и с которых можно что-то «ухватить».

Описанное ниже трудно назвать какой-либо тактикой, скорее топтанием на месте при неспособности что-либо изменить. Такие хозяйства потихоньку вырезают оставшийся скот, надеясь, что государство или кто-то еще все же не даст умереть. Надежды похожи, но реальные шансы выжить зависят от степени «инвалидности». Можно выделить три группы предприятий-инвалидов.

Первую, худшую, группу «инвалидности» составляют хозяйства, в которых работать уже некому. Они и до реформ были «инвалидами», совсем потеряли товарность и перешли в некое особое немонетарное состояние. Вся их мизерная продукция уходит на оплату налогов и снабжение работников натурой. Денег нет, скота сотня—две голов, а то и меньше, поля зарастают. В таком состоянии полной недееспособности, убыточности, а главное полной апатии, когда все надежды несбыточны (сами люди это часто понимают или чувствуют), они могут существовать еще долго, пока не заработает закон о банкротстве. Но тогда их придется просто ликвидировать.

Вторая группа — это нынешние «инвалиды», накопившие в советские годы некоторый материально-технический запас, причем еще располагающие трудовыми ресурсами. Они, растрачивая потенциал, могут функционировать как товаропроизводители еще несколько лет, ремонтируя старую технику, латая дыры в коровниках. Все это — в ожидании возврата старой системы дотаций и

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

прочей господдержки при понимании ненужности никому другому. Чуда, скорее всего, тоже не будет.

Третья группа «инвалидности», самая легкая, делает «чудо» наиболее вероятным. К ней можно отнести предприятия, попавшие в яму несостоятельности главным образом из-за неквалифицированного или вороватого управления. У них есть шанс сменить собственника и менеджера. Этот шанс дает земельный, трудовой, производственный потенциал (например, востребованная рынком специализация), а также местоположение, способное привлечь частных инвесторов.

Перспективы слабых предприятий, вообще говоря, таковы: а) присоединение к сильным предприятиям, которым не хватает земель; б) присоединение к переработчикам, если те готовы идти на риск и затраты; в) сдача земли в аренду или продажа в тех регионах, где на нее есть спрос; г) резкое уменьшение (полное прекращение) обработки земель, создание кооперативов по заготовке сена, сбору грибов, ягод, особенно в лесной глубинке; д) раздел на более мелкие коллективные и/или индивидуальные хозяйства.

Кризис 1990-х годов по сути приводит в соответствие возможности хозяйств по обработке земель и содержанию скота с их реальной деятельностью. Не имеет смысла искусственно подталкивать хозяйства к распашке площади большей, чем та, на которой они способны обеспечить приличную продуктивность, и требовать от них содержания большего поголовья, чем то, которое они могут достойно прокормить. Эти ограничения зависят от места и имеют разные социальные следствия, особенно в глубинных районах, где много безнадежных колхозов, жизнь и денежные доходы людей полностью зависят от индивидуального хозяйства, а колхозы выступают не столько товарной экономической единицей, сколько гарантами деятельности подворий.

Кому же лучше — сильным, средним или слабым? Вопрос только на первый взгляд не имеет смысла. Ведь давно известно, что сильным в России быть трудно. Исследование разных регионов показало, что в глубинке лучше живут те, кто смог хотя бы немного превысить средние показатели и выбиться в лидеры (главным образом благодаря удачному менеджменту). Используя социологическую терминологию, в глубинке для выживания достаточно быть low-middle class, а в пригородах для того, чтобы с предприятием работали крупные городские комбинаты и другие солидные потребители, надо выбиться в upper-middle class. Те же, кто достиг продуктивности и качества западного уровня, в России оказываются не в лучшем положении из-за высокой себестоимости продукции, требующей «богатого» потребителя. Даже в пригородах слишком много вкладывать в производство невыгодно, так как высокие закупочные цены лишь у московских крупнейших комбинатов и предприятий с иностранным капиталом.

Результатом самоорганизации становится расслоение сельхозпредприятий, укрупнение реальных товаропроизводителей и появление недееспособного остатка, который сохраняется при отсутствии процедуры банкротства и востребованности снизу. Это повлияло и на структуру пространства.

Географическая самоорганизация

Приведенные выше примеры показывают, что самоорганизация различается на севере и на юге страны, в пригородах и на периферии. Появились эти различия не сейчас, а наложились на длительное пространственное развитие отечественного сельского хозяйства.

Сельское пространство России долгие годы растягивалось по тем же четырем географическим осям, что и все пространство страны [Трейвиш 2001, с. 44—45]: с севера — на юг, с запада — на восток, от центра — к периферии, в регионах с разным этническим составом. Самоорганизация приводит к двум противоположным процессам, которые в конечном итоге и формируют современное сельское пространство России. С одной стороны, растягивание пространства усиливается благодаря переходу производства из коллективных предприятий в индивидуальные хозяйства и к фермерам. В результате произошел сдвиг общего производства картофеля, овощей и молока на север, а зерна и мяса — на юго-восток [Нефедова 2001]. Такая пространственная экспансия усиливается нацеленностью регионов на самообеспечение. С другой стороны, товарное производство концентрируется в отдельных очагах, которые все больше сжимаются. Эти процессы заслуживают более подробного рассмотрения.

Фрагментация российского сельскохозяйственного пространства

О том, как устроено и как меняется в новых условиях пространство российского сельского хозяйства, об очагах его провалов и успехов можно судить по некоторым индикаторам. Таковыми могут служить продуктивность скота и урожайность зерновых культур. Как бы ни менялись финансовые переменные и конъюнктура цен, надой молока зависит в основном от того, как содержат и кормят коров. В слабых хозяйствах надой всегда низки, в крепких — высоки. Урожайность культур сильнее зависит от климатических различий и от долговременных и кратковременных колебаний погоды. Однако погодные флуктуации можно нивелировать, взяв среднюю урожайность за 5 лет. Климатические же различия на огромных российских просторах снимаются сравнением фактической урожайности с потенциальной, обусловленной естественным сочетанием тепла и влаги. В сходных природных условиях в успешных предприятиях урожайность зерновых всегда выше, а у их антиподов — ниже. Нами рассматривались показатели по внутриобластным административным районам¹.

Средний надой в коллективных предприятиях России составлял в 2000 г. 2138 кг [Сельское хозяйство 2002]. Надой более 4 т в год фиксировались только в 37 административных районах. Это всего 2 % территории Европейской России, в основном в Подмоскovie, Ленинградской области, пригородах других крупных центров. Более 3 т в год (для этого только и требуется, по оценкам

¹ Сбор статистических материалов по 1400 административным районам Европейской России и их обработка проведены при финансовой поддержке National Science Foundation (США), проект BCS-0134109.

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

зоотехников, чтобы корова была сыта) одолели немногим более 100 административных районов, тоже пригородных либо южных (это около 10 % территорий с менее чем 20 % сельского населения). Почти на 40 % территории с третьим населением она не дотянула и до средней.

Средняя фактическая урожайность в 1997—2000 гг. составляла около 15 ц/га. Районы с урожайностью более 20 ц/га (в основном на юге или в пригородах) — это 8 % площади, на которой проживает четверть сельского населения. Менее 10 ц/га получают на 20 % территории (12 % сельского населения), а вместе с не достигшими среднего уровня — уже почти 1/2 территории и свыше 1/3 населения. В большинстве таких районов урожайность на 5—10 ц/га ниже той, что должна быть при естественном сочетании тепла и влаги [Город и деревня 2001, с. 312]. Таковы масштабы сверхнизкой продуктивности агропредприятий.

Степень контрастности результатов сельского хозяйства внутри регионов может быть выявлена с помощью метода децилей, когда в каждом субъекте федерации по каждому показателю берутся 10 % лучших районов и столько же худших (10 % — это обычно 2—4 района) и вычисляются градиенты между ними (табл. 1,2).

Ярославская область — типичный нечерноземный регион, где пригородному Ярославскому району почти нет конкурентов. Занимая всего 5 % площади области, он дает 17 % ее валовой агропродукции, 23 % молока и 14 % мяса. Лидерами по урожайности и надоям являются и соседние Некрасовский и Гаврилов-Ямский районы.

Рязанская область расположена южнее, на стыке лесной и лесостепной зон. Ее природное разнообразие сродни разнообразию России — от северных дубрей Мещеры до открытых распаханых южных окраин. Тем не менее здесь также в лучшую сторону выделяется пригородный Рязанский район — 5 % земель, 14 % молока, 35 % мяса и яиц. В соседних Старожиловском и самом южном Новодеревенском районах выше не только продуктивность, но и рентабельность, а себестоимость продукции ниже. До кризиса впереди были только районы, расположенные вокруг областного центра. В конце 1990-х годов добавился юг области. Ну а 10 % самых худших — это 3 удаленных района на северо-востоке и востоке области.

Специфика Московской области состоит в том, что она почти вся пригородная. Успехи сельского хозяйства Подмосковья еще в советское время были связаны с притоком инвестиций. На базе созданной ранее мощной инфраструктуры каждый процент прироста агропродукции достигался ценой почти в 7,5 раз меньшего прироста фондозатрат, чем в целом по Нечерноземью [Московский столичный регион... 1988, с. 110]. Больше всего молока и мяса с единицы угодий получают в примыкающих к столице районах — Люберецком, Одинцовском, Ленинском и Красногорском. Они составляют 10 % районов, но ими центральный округ не ограничивается. Максимальный объем производства приходится на зону, расположенную в 20—60 км (ближайшие соседи столицы), где на 14 % площади области производится 40 % мяса и более 1/3 молока.

Спад производства и продуктивности в 1990-х годах затронул регион больше, чем соседние, а контрасты при этом только усилились. Окраины сдали больше ближних пригородов. Несмотря на это, градиенты в Московской области лишь немногим выше, чем в других регионах. Ведь если пристолычное ядро

Таблица 1 Показатели продуктивности коллективных предприятий лучших и худших административных районов некоторых областей Европейской России

Показатель	Рязанская область			Ярославская область			Московская область		
	Лучшие	Худшие	Градиент	Лучшие	Худшие	Градиент	Лучшие	Худшие	Градиент
Производство молока на 100 га угодий, т	26,9	3,8	7,0	52,4	11,6	4,5	133,4	13,8	9,7
Производство мяса на 100 га угодий, т	8,1	0,2	40,5	15,6	1,0	15,6	23,8	1,1	21,6
Урожайность зерновых в 1986-1990 гг., ц/га	23,5	10,5	2,3	18,6	9,7	1,9	35,0	19,4	1,8
Урожайность зерновых в 1997-2000 гг., ц/га	18,9	8,1	2,2	15,1	7,8	1,9	23,0	12,5	1,8
Надой от коровы в 1990 г., кг в год	3001	1820	1,4	2918	1812	1,6	5227	2858	1,8
Надой от коровы в 2000 г., кг в год	2928	1339	2,2	3466	1502	2,3	5108	2370	2,2

Примечание. Рассчитано по данным региональной статистики.

Таблица 2 Показатели продуктивности коллективных предприятий лучших и худших административных районов некоторых областей Европейской России

Показатель	Чувашская Республика			Саратовская область			Курская область		
	Лучшие	Худшие	Градиент	Лучшие	Худшие	Градиент	Лучшие	Худшие	Градиент
Производство молока на 100 га угодий, т	27,9	7,1	3,9	11,9	1,3	9,1	28,1	4,9	5,7
Производство мяса на 100 га угодий, т	11,1	1,2	9,2	2,9	0,1	29,0	9,7	0,3	32,3
Урожайность зерновых в 1986-1990 гг., ц/га	23,9	14,5	1,6	16,5	5,8	2,8	31,6	18,3	1,7
Урожайность зерновых в 1997-2000 гг., ц/га	26,1	14,2	1,8	16,0	5,7	2,8	25,2	10,7	2,4
Надой от коровы в 1990г., кг в год	3557	2235	1,6	2422	1602	1,5	3195	2246	1,4
Надой от коровы в 2000 г., кг в год	3246	1289	2,5	3086	1598	1,9	2592	970	2,7

Примечание. Рассчитано по данным региональной статистики.

почти не имеет аналогов в России, то окраины вполне сравнимы с другими областными пригородами.

Чувашская Республика относится к Нечерноземью, но на распределение лидеров и аутсайдеров заметно влияет этнический фактор. К лидерам относятся пригородный Чебоксарский и соседний с ним Моргаушский районы на севере республики. Наряду с ними вперед по всем признакам выходят юго-восточные окраины (Комсомольский и Яльчинский районы), где проживает много татар. Стабилен и состав аутсайдеров: северо-восточный Козловский район с русско-чувашским населением и юго-западный угол, где, кстати, лучшие природные условия и преобладают русские села.

Совсем иная ситуация в южной части Европейской России, где зачастую главным фактором продуктивности оказывается природное разнообразие.

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

В Курской области мозаику лесостепей на серых лесных почвах сменяют южнее р. Сейм сплошь распаханые тучные черноземы. Влияние центра здесь явно ослабевает. Все лучшие по урожайности зерновых районы — южные, а все худшие — северные. Однако повышенные надои молока в 1980-х годах все же обеспечивали пригородный Курский, соседний Октябрьский районы и район при втором крупном городе области Железногорске. В 1990-х годах пригороды заметно сдали. Лидерство по продуктивности скота перешло к южным районам. Тем не менее по молоку и мясу на единицу угодий юг делит пальму первенства с Курским районом.

В Саратовской области урожайность зерновых культур еще меньше зависит от городов. Аутсайдерами, как правило, являются сухостепные восточные и юго-восточные районы левобережья Волги, а лидерами — правобережные, лесостепные. Их состав, в отличие от всех предыдущих примеров, нестабилен. По удоям молока лучшими остаются пригородные Саратовский, Энгельский и Марксовский районы.

В целом можно сказать, что градиенты между 10 % лучших и худших районов по надоям молока во всех указанных областях выросли. Это значит, что в кризисе 1990-х годов лучше выстояли те, где продуктивность была выше. В основном это пригородные районы. По урожайности лучшие районы в Нечерноземье тоже пригородные. В южных регионах в отличие от Нечерноземья самая высокая урожайность в районах с лучшими природными предпосылками. Причем значимость природных условий там даже усилилась.

Из очень беглого анализа вытекают два вывода:

1. При усилении концентрации товарного производства внутриобластная география сельского хозяйства в годы кризиса и реформ оказалась весьма устойчивой, поскольку отражает не столько меняющиеся экономические реалии, сколько тип пространственной организации сельского хозяйства.

2. В процессе самоорганизации агропроизводство на юге и на севере страны (а в последнем в пригородах и на периферии) развивается по разным траекториям.

Различия между севером и югом Европейской России наглядно демонстрируют рис. 2 и 3. На юге соседи первого и второго порядка выделяются продуктивностью гораздо меньше, чем в Нечерноземье, где центрально-периферийные градиенты явно усилились.

Численность поголовья и продуктивность скота — категории взаимосвязанные. Всегда есть альтернатива: много скота при его низкой продуктивности, мало — при высокой. Резкий сброс в ходе самоорганизации предприятий поголовья скота связан с тем, что в советские годы предприятия вынуждены были держать гораздо больше скота, чем они того хотели и могли прокормить. Беда в том, что в результате далеко не везде улучшились показатели продуктивности и жизнеспособность предприятий. Тем, кто остался на плаву, выбраковка худших и больных животных действительно пошла на пользу, но многие просто вырезали скот из-за бескормицы и безденежья.

К 2000 г., когда предприятия адаптировались и стали выбираться из кризиса, плотность и динамика поголовья скота хорошо отражают жизнеспособность сельского хозяйства. Крепкие предприятия давно стягивались к центрам, а за последнее десятилетие скот и производство сжались в совсем небольшие ареалы. На юге страны подобной концентрации не происходит.

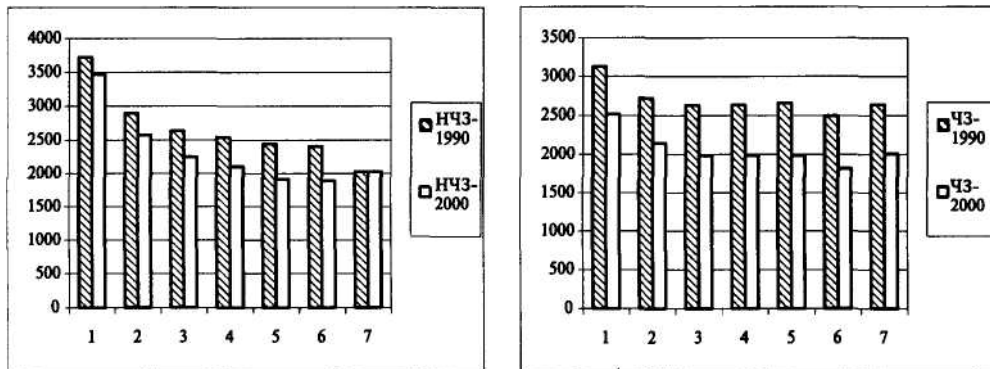

Рис. 2 Надой на одну корову по зонам удаленности от региональных столиц в Нечерноземной (НЧЗ) и в черноземной (ЧЗ) зонах в 1990 и 2000 гг., кг в год

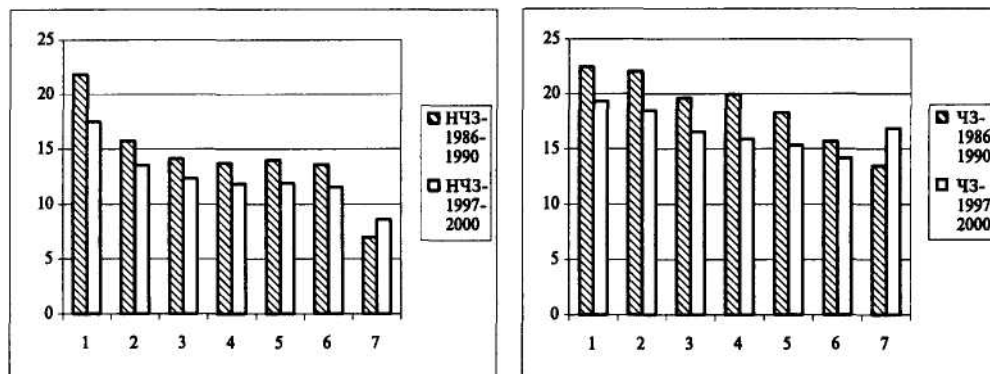

Рис. 3 Урожайность зерновых культур по зонам удаленности (соседства) от региональных столиц в Нечерноземной и в Черноземной зонах, ц/га

Примечание. При построении гистограмм использовался показатель соседства (ось х). Административные районы сгруппированы по соседству с региональной столицей: сначала соседи первого порядка, затем соседи этих соседей, т. е. второго порядка, и т. д. В большинстве субъектов реальные расстояния от столицы до соседей различны. Без огромных регионов Европейского Севера средние цифры следующие: центры соседей второго порядка удалены от региональных центров на 65 км, третьего — на 116, четвертого — на 173, пятого — на 235, шестого — на 300, седьмого — на 394, восьмого — на 437 км.

На рис. 4 показан характер этой концентрации общественного животноводства в Нечерноземье, где плотность поголовья на единицу угодий и прежде повышалась возле крупных городов. Но на окраинах плотность поголовья тоже была высокой, так как освоенной земли было мало, а сократить поголовье партийно-хозяйственное руководство не разрешало. В южных регионах европейской России плотность поголовья не связана ни с удаленностью районов, ни с продуктивностью скота (коэффициенты корреляции близки к нулю). Здесь важнее природные и общеэкономические факторы, в том числе переориентация предприятий на зерновое хозяйство.

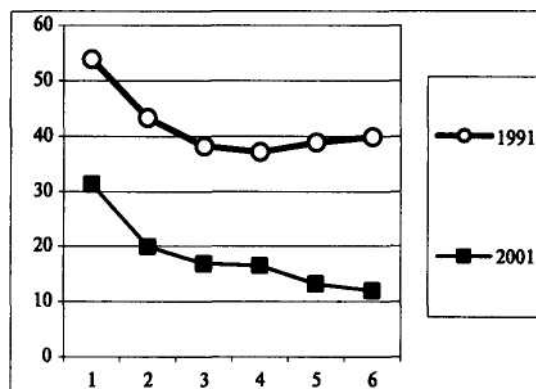

Рис. 4 Плотность поголовья крупного рогатого скота в коллективных предприятиях (голов на 100 га сельскохозяйственных угодий) в 1991 и в 2001 гг. по зонам удаленности (соседства) от региональных столиц Нечерноземных регионов

Таким образом, динамика продуктивности и плотности поголовья скота показывают, что в Нечерноземье усиливается поляризация пространства: ареалы основных сельскохозяйственных производителей все больше стягиваются к крупным городам. На юге агропроизводство более равномерно, и его распределение в большей степени связано с особенностями природных условий.

Современный экономический сельский ландшафт России в Нечерноземье сильно различается рядом с крупными городами и на периферии. Это связано с географическими факторами, внешними для сельского хозяйства: размещением населения и обустройством территории, влияние которых также уменьшается по мере удаления от крупных центров. В итоге пространственный рисунок интенсивности сельского хозяйства весьма похож на модель Тюнена (см. подробнее [Июффе, Нефедова 2001]). Способность формировать вокруг себя зоны повышенной интенсивности и продуктивности любой деятельности, в том числе сельскохозяйственной, зависит от размера города и географических условий. В Нечерноземье для формирования сельского пригорода с повышенной продуктивностью коллективного хозяйства необходимо наличие города с населением от 100 тыс. жителей. Более мощному пригородному хозяйству нужен город с населением в 250—500 тыс. человек. Последний рубеж соответствует размеру региональных столиц. На юге страны сеть небольших центров с 20—50 тыс. жителей имеет гораздо большее значение.

На периферии регионов Нечерноземья упадок коллективных предприятий отчасти компенсирован увеличением производства в индивидуальном секторе, но только отчасти. Производство на единицу территории в Нечерноземье все равно резко падает от центра к периферии (рис. 5). На юге производство распределено более равномерно.

Вклад индивидуального хозяйства в наибольшей степени вырос в периферийных районах регионов, особенно в Нечерноземье, где резко ухудшилась работа коллективных предприятий. Это хорошо видно по доле частного скота и его количества на 100 сельских жителей (рис. 6, 7). Меньше всего скота в приго-

Рис. 5 Производство основных сельскохозяйственных продуктов на 1 км² территории по зонам соседства в Нечерноземье (2000 г.), т

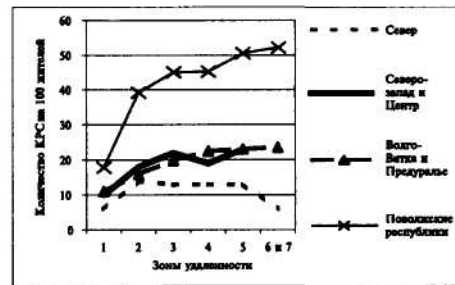
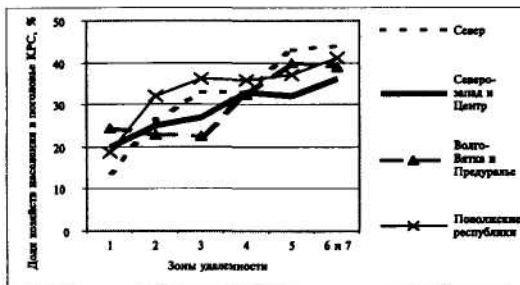

Рис. 6 Доля крупного рогатого скота в индивидуальных хозяйствах в общем поголовье и количество частного КРС на 100 сельских жителей по зонам удаленности (соседства) от региональных центров в отдельных макрорегионах Нечерноземья

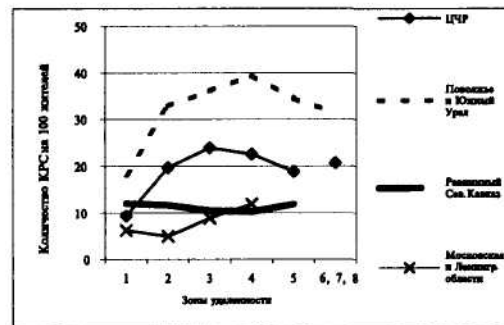
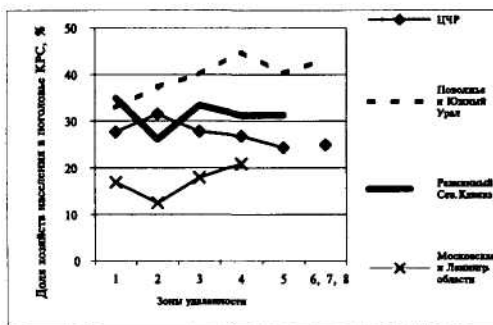

Рис. 7 Доля крупного рогатого скота в индивидуальных хозяйствах в общем поголовье и количество частного КРС на 100 сельских жителей по зонам удаленности (соседства) от региональных центров в отдельных макрорегионах юга Европейской России и в пристоличных областях

родах, хотя его удельное количество возрастает к периферии каждого региона далеко нелинейно. В самых дальних окраинных районах оно все равно уменьшается. Лидерами и по доли частного скота, и по общему его поголовью являются наши южные сухостепные районы и республики Поволжья. В то же время, несмотря на общее увеличение товарности индивидуальных хозяйств в 1990-е годы (т. е. доли продаваемой ими продукции), ее уровень выше в пригородах [Нефедова, Пэллот 2002]. Это связано с лучшими возможностями сбыта продукции (в город или дачникам), инфраструктурной обустроенностью, большей активностью населения.

Особенности национального сельского хозяйства

В целом влияние природных условий и городов на формирование каркаса устойчивого сельскохозяйственного производства очевидно, причем на юге усиливается роль природных условий, а в Нечерноземье — городов. Но нередко в их действие решительно вмешивается еще один фактор. Почти все регионы и административные районы с преобладанием нерусского населения в расчетах и на картах выглядят несколько иначе, чем те, в которых преобладают русские. Этнокультурные различия в ведении хозяйства связаны не только со спецификой «вмещающего» ландшафта, особенно в горах, на Крайнем Севере и т. п. При одинаковых и далеко не экстремальных природных условиях этнические различия тоже приводят к разным результатам деятельности. В сельском хозяйстве как одной из самых традиционных отраслей это проявляется очень ярко, в том числе в общественном секторе, казалось бы устроенном по единой схеме. Если искать ареалы с большим этническим разнообразием при сходных природных условиях, то найти их легче всего в Среднем Поволжье. Рассмотрю это на примере Чувашии. О ее специфике уже говорилось выше. Доля титульной нации максимальна для республик средней части России (68 %). Из 27 % русских большинство живут в Чебоксарах. Русских сел много на юго-западе, у границы с Пензенской областью в Алатырском и Поречском районах. По восточной границе с Татарстаном сосредоточены татарские поселения, на юге — мордовские.

Чтобы понять современную специфику, надо углубиться на несколько десятилетий назад. В табл. 4 показаны периферийные этнические районы республики с разным национальным составом: чувашский Красночетайский, татарско-чувашский Комсомольский (хотя татарских сел здесь меньше, чем чувашских, но они гораздо крупнее и часто влияют на всю ситуацию в районе) и Алатырский, где половину общего числа поселений составляют типично русские нечерноземные села, а вторая половина заселена смешанным русско-чувашско-мордовским населением. К ним стоит добавить пригородный Чебоксарский с весьма пестрым чувашско-русско-татарско-мордовским населением. Он наиболее интересен как пример становления пригородов. Чебоксары — одна из молодых и растущих региональных столиц в России. В 1959 г. ее население не превышало 100 тыс. жителей, в 1980 г. достигло 308, а в 2000 г. — 472 тыс. человек.

Первенство пригородного района возрастает с 1970-х годов, когда население Чебоксар превысило 100 тыс. человек. Вклад района в производство примерно соответствует его доле в населении Чувашии. Юго-восточные татарско-

Таблица 4 Динамика некоторых показателей районов Чувашской Республики

Период	Район			
	Чебоксарский, пригородный	Красночетайский, периферийный чувашский	Алатырский, периферийный, русско-чувашский	Комсомольский, периферийный, татарско-чувашский
Урожайность зерновых культур к средней по республике				
1960	0,9	1,0	1,1	0,9
1976-1980	1,1	0,8	0,8	1,2
1986-1990	1,2	0,8	0,7	1,2
1997-2000	1,2	1,0	0,7	1,4
Надой молока на корову к средней по республике				
1960	0,9	0,8	1,2	1,0
1980	1,1	0,8	0,9	1,1
1990	1,2	0,9	0,7	1,1
2000	1,2	1,1	0,8	1,4
Доля в республике по производству молока, в %				
1960	7,6	2,4	7,7	4,5
1981-1985	9,8	3,0	6,4	3,6
2000	9,9	4,3	3,9	6,2
Доля в сельском населении республики, в %				
1959	5,6	4,2	6,1	3,8
1990	8,5	4,4	4,1	5,1
2000	9,6	4,1	4,0	4,9

Источники: [Районы Чувашии в цифрах... 1961, с. 126—198; Советская Чувашия... 1965, с. 72; Основные показатели... 1983, с. 26—38; Социально-экономическое положение... 2001, с. 75-104].

чувашские районы в 1980-х годах еще концентрировали больше населения, чем продукции, а в 1990-х годах, сохранив былую продуктивность на фоне общего ее упадка, резко повысили свою роль в агропроизводстве республики. Русские юго-западные районы использовали данные природой преимущества (лучшие условия для агропроизводства с анклавами черноземных почв) вплоть до 1960-х годов, к концу 1970-х годов их депопуляция и депрессия были в разгаре.

Столь заметная деградация сельской местности с русским населением по сравнению с другими районами Чувашии связана с сильной потерей демографического потенциала на фоне более демографически полноценных нерусских деревень. В других регионах (Саратовская, Пермская, Пензенская и Оренбургская области) русские, чувашские и мордовские селения отличались друг от друга не так сильно. Анклавы мусульманских народностей в Поволжье и на Урале почти всюду представляют собой иной мир.

Население в Комсомольском районе Чувашии на юго-восточной окраине, примыкающей к Татарстану, неуклонно растет как за счет естественного прироста, так и за счет миграций в отличие от русского Алатырского района, где смертность намного выше рождаемости, а миграции уже много десятилетий резко отрицательны. Татарская специфика Комсомольского района проявляется-

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

ся в богатых каменных домах (в Алатырском районе преобладают черные покосившиеся избы), в активных стройках, количестве скота. Почти в каждом доме — легковая машина и часто грузовик. Мужское татарское население — преимущественно «на отходе»: стройки в Татарстане, нефтяные вахты, сбыт леса, купля-продажа сельхозпродукции (для того и грузовики). В колхозах заняты чуваша и женщины-татарки. Все это прекрасно уживается с крепкими колхозами. В Комсомольском районе из 27 предприятий убыточны 2—3, а в Алатырском — 2/3.

В чем секрет успеха, судить трудно. В сочетании демографического здоровья с разнообразием занятий? Этого все же мало. Вероятно, сказываются исламские устои: меньшая алкоголизация, ответственность мужчин за семью, закрепленная рядом традиций, четкое разделение тендерных ролей и т. д. В общем татарские села крепче других благодаря консерватизму, в том числе колхозному, но он таков, что оставляет место для гибкости и адаптивности в сложных ситуациях. Важно другое — в процессе самоорганизации агропроизводства в период кризиса значимость национальных факторов усиливается. По мнению одного из местных чиновников, успехи сельского хозяйства чувашских и татарских районов коренятся в сохранившемся сельском менталитете. Но почему он уцелел? Напрашивается ответ: благодаря национальной специфике. Однако сравнение современных сельских обществ здешних народов с русскими начала XX в., демографически столь же полноценными и тоже активно прибегавшими к отходничеству, не исключает гипотезы о разных стадиях развития сообществ. Быть может, тут они просто еще не разрушены в той же мере, как в русских депопулировавших селах.

Географическая модель агропроизводства

Как было показано выше, на пространственную организацию сельского хозяйства в России заметно влияют: 1) природные условия; 2) расстояния до больших городов и 3) национальная принадлежность населения. Все остальное, включая трудовые ресурсы, их культуру и навыки, землепользование, инвестиции, обустройство территории, обусловлены тремя главными факторами.

Исходя из этого можно нарисовать схему пространственной организации и эволюции сельской местности России, отталкиваясь от наиболее известных общеэкономических аграрных моделей Р. Бичанича [*Bicanic* 1972, p. 158—185; *Грицай* и др., 1991, с. 30—31] и И. Тюнена [*Тюнен* 1926].

Модель развития сельского хозяйства Бичанича, основанная на сочетании трех основных факторов — труда, земли и капитала — универсальна, но, как любая экономическая схема, в каждом конкретном случае объясняет далеко не все. Что же делает ее уязвимой в условиях России?

Во-первых, фактор труда трудно считать независимым на огромном социально разреженном и контрастном пространстве, где плотность и занятость населения в сельском хозяйстве определяются той же природой и близостью к городам, от которых зависят результаты самого производства. Во-вторых, вывод из оборота земель, характерный для второй стадии развития агропроизводства по Бичаничу, в России был совершенно неадекватным интенсификации и депопуляции. Ведь долгие годы благодаря дотациям поддерживались землеемкие неэффективные хозяйства на внутренней и внешней периферии. Именно

поэтому в 1990-х годах там произошел обвал реального землепользования. В-третьих, инвестиции далеко не всегда направляли туда, где они окупались, как предусмотрено моделью Бичанича. Все это искажало идеальную картину.

Модель Тюнена также не объясняет в полной мере пространственную картину сельского хозяйства России. Хотя современный экономический ландшафт, особенно в Нечерноземье, сильно различаясь у крупных центров и на периферии, весьма напоминает его модель, все эти различия, как уже говорилось, во многом связаны с географическими факторами, внешними для сельского хозяйства — размещением городов, характером населения и обустройством территории. Так сложилось не потому, что аграрная деятельность устроена по Тюнену всегда и везде, а потому, что *так устроено пространство России*, где для сельской местности и для многих видов деятельности все большее значение приобретает сеть городов.

Отталкиваясь от этих моделей, попробую представить модель географическую. Современное пространство России согласно этой модели фактически уже описано выше. Однако степень влияния главных факторов — природы, городов и национального состава —меняются с развитием урбанизации. Можно выделить 5 основных стадий пространственной эволюции сельского хозяйства России:

Стадия 1, *природная*. Сельскохозяйственное производство, расселение (в том числе города), образ жизни населения — все вписано в природу. Это похоже на первую стадию развития агропроизводства по Бичаничу, когда численность занятых в сельском хозяйстве растет при уменьшении их доли. Преобладает натуральное хозяйство, а его типы и продуктивность зависят от природных условий. Капитал крайне скуден или отсутствует. Природно-этнические сельские ареалы разнообразны, самодостаточны, часто обособлены. Когда А.В. Чаянов в начале века разрабатывал теорию трудового хозяйства, он имел в виду первую стадию, основу которой составляет опора на избыточный трудовой потенциал села [Чаянов 1989].

Стадия 2, *раннегородская, природно-национальная*. Урбанизация стимулирует отток сельского населения, но высокий естественный прирост гарантирует его многочисленность. Однако демографические показатели разных народов неодинаковы, как специализация и культура землепользования. Результаты общественного производства все еще в наибольшей степени зависят от природных предпосылок. Роль индивидуального сектора для выживания села высока, но дифференцирована слабо. Для России в целом эта стадия была характерна до 1970-х годов, хотя в старопромышленном ядре и в крупно-городских агломерациях закончилась раньше. В ряде южных и восточных национальных окраин она благополучно дотянула до конца века.

Стадия 3, *среднеурбанизационная*. С ее приходом пространство Европейской России четко делится на две части, которые условно можно назвать югом и севером. Они развиваются по разным траекториям.

Южные районы с лучшими природными условиями как бы задерживаются на второй стадии (по Бичаничу). Начавшаяся естественная убыль сельского населения еще не приводит к потере занятых в агросекторе, тем более что юг притягивает много мигрантов. Зато инвестиции дают там максимум отдачи, и развернутая в 1970-х годах интенсификация сельского хозяйства лишь поднимает роль этих районов, хотя вложения на единицу угодий меньше, чем на

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

севере. Природа и капитал являются взаимодополняющими факторами. Но и в южной зоне по мере усиления природной экстремальности проявилось влияние городов. Поэтому на юго-востоке на этой стадии наблюдается дифференциация по оси «пригород—периферия», особенно по специализации и продуктивности животноводства в общественном секторе. Индивидуальное хозяйство юга на размещение городов, как правило, не реагирует, зато национальные различия видны очень четко.

На севере (в Нечерноземье) эта стадия связана с концентрацией и поляризацией, хотя и не без национальных различий. Если сравнивать с универсальными стадиями Бичанича, север как бы уходит вперед по сравнению с югом, хотя на сельском хозяйстве колхозно-совхозной России это сказывается скорее негативно. Депопуляция глубинки, стягивание населения в города, а жизнеспособного общественного производства ближе к городам расслаивает сельскую местность. Основная задача капитала (призванного здесь не дополнять, а замещать недостающий природный потенциал) по сути выполняется только в пригородах, где он дает отдачу. Однако плановая экономика в попытке поддерживать безнадежные предприятия «размазывает» капитал. Все это задержало стадию 3, усилив отставание отечественного агропроизводства от западного. В этнорегионах Урало- Поволжья пространство поляризуется не столь заметно, как минимум, по трем причинам — вследствие меньшей депопуляции, консерватизма властей, традиционной ментальности сельских жителей. Личные хозяйства пространственно тоже дифференцируются — их товарность растет в пригородах, а общая роль выше на периферии. Глубинка как бы отбрасывается в предыдущую стадию, пригороды рвутся вперед. Они расходятся и в пространстве, и во времени. Размеры угодий начинают сокращаться в ходе урбанизации и депопуляции села, вывода из оборота маргинальных земель.

В настоящее время страна в целом находится на излете этой стадии эволюции. Кризис 1990 г. не изменил ситуацию принципиально, лишь, как и при урбанизации [Город и деревня 2001, с. 171—196], отбросил страну на несколько шагов назад. Зато некоторые регионы, например Подмосковье, живут уже в следующей стадии.

На стадии 4, *позднеурбанизационной*, усиливаются зональные различия. На севере вокруг крупных городов агропроизводство вытесняется конкурентами из пригородов в полупригороды. Таким образом пригородные пояса как бы расширяются, и чем крупнее город, тем шире пояс. Капитал теперь должен заменить труд, не требуя роста сельского населения. Это примерно соответствует началу третьей стадии по Бичаничу. Большинство предприятий на периферии исчезает, ее население при поддержке государства ведет полунатуральное, полутоварное хозяйство, товарность которого растет к полупериферии. В пригороде оно расслаивается на товарное, но малоземельное, и остаточное натуральное. Большую часть периферии население покидает, происходят сжатие и «архипелагизация» пространства. В Нечерноземной зоне это влечет нарастание доли вторичных лесов и сжатие освоенной аграрной зоны. Но если на границе тайги она теряется «безвозвратно», то в центральной глубинке при почти полном «вымывании» сельских жителей сами поселения и инфраструктура могут сохраняться городскими дачниками. Земля перестает быть ключевым и «сакральным» фактором, превращаясь в такой же товар, как и все остальное. Этни-

ческие различия по мере социально-демографической эволюции нерусского населения частично нивелируются.

На юге прогрессируют концентрация и более четкая специализация производства, причем роль природных условий в выборе специализации возрастает. Степень товарности тоже растет; наряду с крупными предприятиями и во взаимодействии с ними развиваются мелкотоварные хозяйства растениеводческой и особенно животноводческой специализации. Сельское население уменьшается, в структуре его занятий повышается доля альтернативных сельскому хозяйству, в том числе индивидуальному.

В идеале все стремится к стадии 5 — *неоприродной (экологической)*, при которой подавляющая часть сельскохозяйственного производства концентрируется в зоне южнее Москвы. Сельское пространство Нечерноземья перестает быть аграрным и становится рекреационно-дачным и экобиотехнологическим (его отрасли, связанные с еще неизвестными формами использования лесных и других природных богатств, пока не сложились). Транспортная доступность сохраненных дачниками поселений улучшается, остальные теряются безвозвратно.

Итак, разные районы и зоны находятся на разных стадиях эволюции сельской местности, а наблюдаемые тенденции влекут их в противоположные стороны. Есть ли у них аналоги в других странах? Вроде бы наша северная модель напоминает европейскую, южная — американскую. Но это слишком просто. Россия давно стремится за развитыми странами, но пространство не пускает. Слишком велика наша холодная страна с далеко отстоящими друг от друга большими городами и малопригодными для сельского хозяйства территориями, которые трудно обустроить. Концентрация агропроизводства в благоприятных по природным условиям районах неизбежна. Но у городов Нечерноземья надолго останутся крупные агропредприятия, вернее агропромышленные комплексы. Если уровень жизни населения повысится настолько, что начнется реальная массовая субурбанизация (это при самых лучших политических и экономических сценариях развития), такие «агро-останцы», раздражая горожан, все равно сохранятся. В нашем полуосвоенном, полузаброшенном «океане суши» только в пригородных и полупригородных зонах они смогут найти приемлемую экономическую среду. В свою очередь, сезонные городские дачники еще долго будут проникать в сельскую среду хотя бы потому, что инерция и память поколений слишком крепки.

Чего России не избежать, так это дальнейшего сокращения сельского населения и сельскохозяйственных угодий на нечерноземной периферии (внешней и внутренней). Сжатие аграрного пространства неотделимо от постепенного прекращения деятельности землеемких убыточных коллективных предприятий. Все многолетние попытки советской власти, направленные на поддержку убыточных глубинных колхозов и совхозов, это только подтверждают.

Иное дело социальные последствия закрытия «местообразующих» предприятий.

Социальная самоорганизация

Пространственная избирательность в развитии коллективного сектора очевидна. Как же меняется самоорганизация сельских сообществ по мере утраты глав-

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

ного организационно-экономического стержня сельской местности — коллективного сельскохозяйственного или иного крупного предприятия?

В каждом административном районе есть предприятия — фактические банкроты: счета их арестованы, зарплату они не платят годами, товарной продукции почти не дают. Как это влияет на людей и их индивидуальные хозяйства, на развитие фермерства, что происходит со всей сельской местностью? Социальные аспекты этих процессов неоднократно описывались [Рефлексивное крестьяноведение 2002; Клямкин, Тимофеев 2000; Неформальная экономика 1999; Развитие личных подсобных хозяйств 1999; Amelina 2000 и др.]. Отталкиваясь от опубликованных примеров и собственных исследований, попытаюсь представить схему взаимодействия разных укладов при разных состояниях крупных коллективных предприятий в разных районах. В табл. 5 они выстроены по мере усиления их деградации.

Из таблицы видно, что самоорганизация с ослаблением основного предприятия нарастает далеко не линейно. Ситуация сложнее всего тогда, когда предприятие близко к агонии, а население, так привыкшее на нем паразитировать, все еще на него рассчитывает, не понимая, что получить уже нечего и пора учиться жить самостоятельно. Зато в тех случаях, когда предприятие в агонии или его нет совсем, сельское сообщество вынуждено прибегнуть к самоорганизации.

Коллективизм или индивидуализм?

Рост самоорганизации в сельской местности привел к усилению внешне общинных отношений [Кабанов 1997], но в ином виде.

Поскольку в 1990-х годах значительная часть земель отошла к сельским администрациям, им во многом досталась и роль регулировщиков земельных отношений. Люди обычно не берут свои земельные доли, предпочитая участки, арендованные у администрации, что усиливает власть последней, а рост роли индивидуальных хозяйств в жизни сельского сообщества только укрепляет ее значение.

Продажа участков или их сдача в аренду в тех местах, где на землю есть спрос, приносит сельским администрациям известный доход, который они могут использовать для обустройства сельской жизни, правда, до тех пор пока у них этот источник средств не отберут вышестоящие органы. При уходе или полном разложении коллективных предприятий именно в сельской администрации сосредоточиваются скот, оставшиеся техника, инвентарь. Население пользуется этим добром совместно, бесплатно или за небольшую плату, необходимую для поддержания капитала в рабочем состоянии. Во многих селах практикуется сбор средств населения на ремонт инфраструктуры, которая прежде была в ведении колхозов.

Общественной запашки сейчас нет, но в каждом селе есть общественные пастбища для частного скота. Формируется общее стадо (а то и несколько). Обычно нанимают пастуха. Если стадо небольшое, жители сами пасут скот по очереди. Всеми этими проблемами тоже занимается сельская администрация, а общие вопросы, в том числе касающиеся скота, обустройства и многого другого, решаются на сходах.

Таблица 5 Соотношение коллективных, индивидуальных и фермерских хозяйств и процессы самоорганизации

Тип (местоположение)	Коллективные предприятия (КП)	Хозяйства населения (ХН)	Фермеры	Самоорганизация
Пригороды и крайний юго-запад	Преуспевают, за труд платят деньгами Основной доход населения	Скота мало, огороды небольшие Товарная специализация в основном на овощах	В пригородах мало, на юге — много, участки небольшие	Слабая
Южные и юго-восточные степные районы	Часто благополучны, но платят больше натурой	Скота много, товарное скотоводство, огороды для самопрокорма Основной доход	Много, участки большие	Средняя
Национальные районы Урало-Поволжья	Часто благополучны, но платят обычно натурой	Много скота, товарность и специализация разные Доход от ХН и отхожих промыслов	Мало	Слабая
Черноземные лесостепные районы, в НЧЗ — полупригородные	Испытывают трудности, перебои с деньгами, натуроплата	Товарность зависит от скота, количество скота — от натуроплаты и угодий, товарный картофель Основной доход от ХН	Много, участки средние, сильная сегрегация	Средняя
Полупериферия и периферия НЧЗ и окраин ЧЗ, некоторые Кавказские республики	Бедствуют, зарплат нет	Скота мало, огороды для самопрокорма, товарный картофель Лесные промыслы, в том числе товарные Почти весь доход от ХН	Мало (реальных производителей единицы), участки средние	Слабая
Периферия НЧЗ, некоторые Кавказские республики	КП нет Их функции частью у сельских администраций Возрождение квазиобщины	Зависит от состава семьи Обилие земли (в НЧЗ) Доход только от ХН и промыслов	Мало, но важны для организации сообществ	Сильная

Таким образом, еще при деятельности предприятий сельская администрация берет на себя роль организатора местной жизни. Колхозы по-прежнему правят бал там, где они экономически сильны, но уменьшению их власти и росту самоорганизации способствует общее сокращение занятости в коллективном секторе.

Это, казалось бы, говорит о возрождении общинных отношений в деревне. В действительности все обстоит гораздо сложнее. Существует противоречие между восстановлением организационных общинных форм при потере доминирующей роли предприятий и разложением общинных отношений. Разложение протекало с разной скоростью в разных районах, но все равно повсюду, и особенно там, где преобладает русское население. Обычно оно шло параллельно депопуляции, а нередко заметно ее опережало.

Рисуя портрет современного россиянина, часто отмечают «стремление к совместной коллективной работе», «чувство причастности к общему делу» и т. п. [Шкартан 2001, с. 87]. В стране, где индивидуализм столетиями рассматривался как одно из самых непростительных качеств человека, не может быстро выработаться устойчивая позитивная индивидуальная мотивация [Хисамова 2002]. Соглашаясь с данным постулатом, отмечу, что наши обследования сел в разных районах показали, что ситуация несколько сложнее и противоречивее.

Конечно, востребованность колхозов и совхозов населением связана не только с оказанием ими помощи подворным хозяйствам. Мы часто слышали в деревне: «Как же жить без колхоза? Вместе же легче...». Люди боятся остаться

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

один на один с окружающим, как им кажется враждебным, миром. Но это касается привычного защитника — колхоза. Никакого стремления к коллективной работе вне колхоза мы нигде и никогда не обнаруживали. Даже элементарная кооперация индивидуальных хозяйств очень редка, причем и там, где она, казалось бы, необходима, например при сбыте продукции. Слово «индивидуальные» к таким хозяйствам подходит больше всего, ибо они не столько сотрудничают, сколько конкурируют друг с другом.

В современной деревне очень многое делается за деньги. Переход предприятий от монетарных к натуральным расчетам и невыплаты зарплат делают подработки у односельчан важным источником получения реальных денег. Работают у пенсионеров (покосить, наколоть им дров, принести воды, тем более что сельские пенсионеры имеют самый стабильный доход), у дачников и односельчан. Исключение составляют лишь очень узкие родственные и соседские связи. Все эти признаки деградации русской сельской общины особенно заметны по контрасту с демографически более полноценными мусульманскими сообществами.

И все же рост индивидуализма в деревне происходит при сильной зависимости поступков сельских жителей от мнения односельчан и сопротивлению среды. И чем более она консервативна, тем меньше возможностей развития товарного, индивидуального хозяйства даже у тех жителей, которые хотят и могут работать. Степень сопротивления среды индивидуальной активности зависит от многих факторов, но прежде всего от трех основных:

географического положения (степень консерватизма нарастает по мере движения от пригородов к периферии и с севера на юг);

открытости региона притоку переселенцев (это отличает, например, поволжские южные регионы от более консервативных кубанских или предкавказских республик);

административного статуса и размера поселения. Плотность сопротивления среды меньше вблизи административных центров и очень крупных поселений благодаря разнообразию занятий и связей населения. Но она также мала вблизи совсем маленьких поселений, так как у них из-за депопуляции и деградации среды степень отторжения инноваций ослаблена.

То, что разложение общинных отношений происходит в ситуации, когда все друг про друга всё знают, означает, что утверждаются новые стандарты жизни, легализируются монетарные и даже криминальные отношения.

Развившиеся за советское время иждивенчество, многолетняя привычка безнаказанно красть колхозное имущество, корма при современном безденежье населения способствуют расширению полукриминальных заработков. И хотя крепкие предприятия стараются вводить свои отношения с населением в договорные рамки, большинство хозяйств перекрыть каналы для «несунов» не в состоянии. Если раньше воровали («несли») колхозное в основном для себя, то в нынешних условиях отсутствие в селах денежных зарплат привело к воровству всего, что можно продать. Это размывает многие социальные табу: вчера украл у колхоза, сегодня украл и продал лес, завтра украл у односельчанина. В этом отношении деревня семимильными шагами приближается к городу.

Слишком долго сельское сообщество находилось под контролем предприятий и региональных властей, слишком зависимым оказалось от них. Способ-

ность к реальной локальной самоорганизации полностью выбита советской властью. Даже первые ростки самоорганизации прорастают все равно под эгидой административных органов. Тем не менее было бы неверно утверждать, что спонтанной самоорганизации нет. Появляются на селе и неформальные лидеры. Ими при разрушении колхоза выступают руководители сельской администрации, наиболее уважаемые фермеры и бывшая административная верхушка колхоза, порой прибравшая к рукам все колхозное имущество и значительную часть земельных паев. Такие бывшие председатели по сути эксплуатируют административный ресурс и привычку подчинения односельчан.

Однако самоорганизация возможна только тогда, когда на селе осталось трудоспособное население, а если здесь живут всего несколько пенсионеров в полуразрушенных домах, то никакой самоорганизации быть уже не может. Оставшееся население нуждается в государственной помощи, и всю эту местность для сельского хозяйства можно считать потерянной.

«Болезни места» и опорный каркас сельского хозяйства

Итак, экономическая, пространственная и социальная дифференциация сельской местности привели к ее сильной мозаичности, закреплению и усилению определенных региональных и локальных черт. Некоторые районы с разложившимися коллективными предприятиями и социальной средой уже не могут выбиться из сложившегося состояния. Это определенная «болезнь места», и любые инвестиции здесь бесполезны: если и посеют, то убрать все равно не смогут, купленный скот заморят голодом или растащат по домам. Больше всего таких мест в Нечерноземье, особенно на периферии регионов в зонах значительной депопуляции населения. Они были больны и прежде, уже несколько десятилетий испытывая тяжелый экономический и социальный кризисы [Алексеев 1990, Иоффе 1990], но утрата роли государства, в том числе и в лице поддерживаемых им крупных предприятий, привела к росту значения качественных характеристик населения [Зубаревич 2003, с. 37]. Конечно, каждое конкретное место больно по-своему. Но все же анализ внутриобластной статистики административных районов Европейской России показывает, что в современной колхозной деревне наибольшие предпосылки для возникновения такой «больной среды» складываются в районах с численностью населения менее 10 человек на км². При такой плотности населения большинство коллективных предприятий имеет продуктивность земель ниже средних значений. В основном это периферийные районы областей, прежде всего в Нечерноземье. Именно для этих районов характерны наибольшие масштабы оставления земель. Надои молока в коллективных предприятиях особенно резко падают при плотности сельского населения 5 человек на км², т. е. предприятия животноводческой специализации могут существовать и в более разреженной демографической среде. Но проблему нельзя сводить только к численности трудовых ресурсов. Она в их качестве, в том числе и из-за сильной алкоголизации населения. В такой социальной среде функционирование крупных коллективных предприятий становится невозможным. Из-за невыплат зарплат люди сами уходят из колхоза. Поэтому в административных районах с преобладанием таких «больных мест»

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

порой наблюдается не недостаток, а избыток населения в трудоспособном возрасте, которому нечем заняться в связи с упадком единственного «местообразующего» предприятия (необязательно сельскохозяйственного; то же самое происходит и в лесохозяйственных районах). Население все же выживает благодаря своему индивидуальному хозяйству, но та же болезнь места, часто усиленная внешними неблагоприятными предпосылками (отрезанность от дорог и т. п.), не дает возможности вырасти индивидуальному производству в товарное, заменив экономически бывший колхоз или леспромхоз. Такие районы нуждаются в государственной поддержке, специальных социальных программах. Такая же господдержка необходима и в тех местах, где произошла почти полная депопуляция населения (осталось несколько старушек), но привлекательность их для городских дачников по тем или иным причинам мала.

Далеко не все периферийные сельские районы подвержены этому недугу. Помимо рассмотренных выше объективных условий сказываются и случайные сочетания факторов. При росте самоорганизации усиливается роль руководителей районов, предприятий, сельской администрации. Нам удавалось и в глубинке видеть вполне успешные предприятия, причем их успех почти целиком зависел от деятельности руководителей. К сожалению, длительный отток населения с периферии привел к отрицательному отбору и в руководящей сфере. Именно поэтому очень часто в таких районах происходит смена тендерных ролей не только в бытовой сфере, но и в руководстве.

Есть на слабозаселенной периферии и социально здоровые территории с упадком коллективного производства. Сельское сообщество в них как бы консервируется в своеобразных забытых Богом островах русской архаики, и оно похоже на острова архаики нерусской, описанной выше. Но в отличие от последних экономические показатели предприятий здесь на самом низком уровне. Иначе говоря, сохранение традиционного сельского сообщества, своеобразного социального здоровья, возможно и при отсутствии здоровья экономического. Люди живут в мире, далеком от всех реформ и прочих проблем, распаивают немногие не заросшие поля, латают остатки техники, собирают мизерные урожаи, чтобы прокормить частную скотину, годами не видят денег, но и тратить их негде. Такие «медвежьи углы» можно найти в любом регионе. Они отставали прежде и могут просуществовать в таком сонном состоянии с немонетарной экономикой довольно долго.

Однако обвал продуктивности и общего производства в 1990-х годах произошел и в плотнозаселенных районах. Это — явление самоорганизации новейшего времени, и связано оно с двумя факторами. Районы с плотностью сельского населения 40—50 человек и более на км² — это ближайшие подмосковные пригороды и Дагестан. В первых сельское хозяйство буквально вытесняется дачно-коттеджным строительством, а в Дагестане колхозы почти полностью развалились. И все же именно нечерноземные пригороды и обширная южная полоса формируют не только основной опорный каркас сельскохозяйственного производства, но и наиболее здоровую сельскую среду.

Литература

- Аграрная реформа в России. Концепции, опыт, перспективы. М.: Научные труды ВИАПИ, 2000. Вып. 4.
- Алексеев А.И.* Многоликая деревня. М.: Мысль, 1990.
- Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша, М.: ОГИ, 2001.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия, в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
- Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: УРСС, 2003.
- Иоффе Г.В.* Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. М.: Наука, 1990.
- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г.* Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6.
- Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: Ин-т Российской истории РАН, 1997.
- Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000.
- Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда / Под ред. Г.М. Лаппо и др. М.: ИГ АН СССР, 1988.
- Нефедова Т.Г.* Новые тенденции в АПК России // Известия АН. Сер. геогр. 2000. № 4.
- Нефедова Т.Г.* Три уклада современного сельского хозяйства России: специфика и взаимодействие // Вестник Евразии. Acta Eurasica. 2002a. № 1 (16).
- Нефедова Т.Г.* Саратовские фермеры — перемены ролей и отношений // География. 2002b. №11.
- Нефедова Т.Г., Пэллот Дж.* Индивидуальные хозяйства как объект географического изучения // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 3.
- Неформальная экономика / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- Переходная аграрная экономика: проблемы, решения, модели. М.: Научные труды ВИАПИ, 2000. Вып.3.
- Развитие личных подсобных хозяйств как один из механизмов повышения доходов сельского населения. М.: РосАгроФонд, ВИАПИ, 1999.
- Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН РОССПЭН, 2002.
- Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2001.
- Сельское хозяйство в России. М.: Госкомстат России, 2002.
- Серова Е.В.* Аграрная экономика. М.: ГУ—ВШЭ, 1999.
- Трейвиш А.И.* Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России. Географические процессы и проблемы. М.: УРСС, 2001.
- Тюнел И.* Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике. Исследование о влиянии хлебных цен, богатства почвы и накладных расходов на земледелие. М.:, 1926.
- Хисамова З.* Что подумает сосед Василий? // Эксперт. 2002. № 8.
- Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство, М.: Экономика, 1989.
- Шкаратан О.И.* Информационная экономика и пути развития России // Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов. Третьи сократические чтения по географии. М.: Университет Российской академии образования, 2002.
- Штейнберг И.* Типология сельской власти (социологический анализ типов руководителей сельхозпредприятий в постсоветском селе) // Рефлексивное крестьяноведение.

Социально-экономическая и пространственная самоорганизация...

Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН РОССПЭН, 2002.

Эпштейн Д.Б. Финансово-экономические проблемы сельскохозяйственных предприятий в России. СПб.: Изд. дом «Бизнес-пресса», 2002.

Amelina M. Why Russian Peasants Remain in Collective Farms: A Household Perspective on Agricultural Restructuring// *Post-Soviet Geography and Economics*. 2000. 41. № 7.

Bicanic R. Turning points in economic development. The Hague-Paris, Mouton: 1972.